

П 290

в. 4
1948

Қазақ ССР Ғылым
Академиясы

Академия Наук
Казахской ССР

ҚАЗАҚ ССР ҒЫЛЫМ АКАДЕМИЯСЫНЫҢ
ХАБАРЛАРЫ
—★—
ИЗВЕСТИЯ
АКАДЕМИИ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР

№ 49

СЕРИЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ

57024

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР

АЛТЫ

1948

АЛМА-АТА

Археологические разведки в Центральном Казахстане (1946 г.)

В 1946 г. Институт истории, археологии и этнографии Академии Наук КазССР проводил предварительную археологическую работу в Центральном Казахстане для учета и обследования памятников материальной культуры этой обширной области. Это была первая археологическая экспедиция, организованная после разгрома германского фашизма. Археологическая экспедиция 1946 г. явилась выражением осуществления плана восстановления археологических работ в Казахстане, прерванных войной, и началом развертывания научно-исследовательской работы в области изучения памятников материальной культуры на территории КазССР — работы, намеченной планом четвертой послевоенной пятилетки.

Работа экспедиции осуществлялась силами работников КИАЭ Академии Наук КазССР в лице старшего научного сотрудника археологии Г. И. Пацевича (начальник экспедиции) с привлечением художника Ш. Кутхожина и фотографа из Управления по делам архитектуры при Совете Министров КазССР. Полевая работа экспедиции проводилась в течение трех месяцев (август, сентябрь и октябрь).

Основным средством передвижения экспедиции служила автомашина. Для обследования объектов, находившихся в стороне от дороги, куда не представлялось возможным проехать на автомашине, экспедиция пользовалась гужевым транспортом или верховыми лошадьми, нанятыми в ближайших колхозах. Экспедиция выехала из Алма-Аты 7 августа в направлении ст. Чу, чтобы начать разведочную работу в районе среднего течения р. Чу, расположенного на территории Чуйского и Коктерекского районов Джамбулской области. Пройдя путь от Ново-Троицкой в Коктерек бассейном р. Чу, экспедиция проехала в Центральный Казахстан, следуя по маршруту древнего кочевого пути с юга на север, прорезывающего восточные пределы пустыни Бетпак-Дала и западное побережье оз. Балхаш, через которые ныне проходит трасса новостроящейся железной дороги Моинты — Чу. Маршрут экспедиции от р. Моинты пролегал в верховье р. Сары-Су, через водоразделы Актау, Ортау, долиной р. Манака, откуда бассейном р. Сары-Су до Джезказгана, в местность Теректы, в которой экспедицией обнаружен ряд интересных памятников, в том числе пещера с наскальными изображениями.

От Джезказгана экспедиция проехала к верховьям р. Кенгир и до Улу-тау с заездами в ряд глубинных точек, дорогой обследуя памятники архитектуры и полуседлые поселения X — XV вв.

По окончании работы в Улутауском и Джезказганском районах перед экспедицией лежал более сложный и трудный путь на юг, в

низовья рек Сары-Су и Чу, который нужно было проехать через пустыню Бетпак-Дала. Этот трудный маршрут был пройден благополучно, по пути наблюдался ряд новых и совершенно не изученных объектов. Экспедиция, следуя по старым тропам древнего кочевого пути, лежавшего вдоль правого берега р. Сары-Су, прошла через ее низовье в предгорье Северного Кара-тау, откуда через Аксумбе, Сузак, Байкадам, Джамбул и Луговую возвратилась в Алма-Ата.

Археологическая работа 1946 г. является лишь началом более широких, углубленных исследований, намеченных Институтом истории, археологии и этнографии Академии Наук КазССР на ближайшие годы четвертой сталинской пятилетки. Экспедиция имела исключительно рекогносцировочный характер и ставила перед собой задачи: обследование памятников, находящихся под угрозой разрушения, и памятников оседлого земледелия с целью уточнения границы распространения древней оседлой культуры в районах древнего кочевого пути. Экспедиция сосредоточила свое внимание, главным образом, на обследовании памятников кочевой и полусоседлой земледельческой культуры, расположенных в бассейне р. Сары-Су с ее притоками Кенгир и Джезды, широко охватывая районы Улу-тау и Джезказгана с оазисом Жеты-Конур, частично войдя в низовье р. Чу и, наконец, охватывая северное предгорье Кара-тау, через которое проходили древние караванные (кочевые) пути с юга на север. За три месяца полевой работы экспедиция достаточно подробно обследовала памятники материальной культуры, расположенные в этих пустынных районах, и заложила основу большой экспедиционной работы, рассчитанной на несколько лет.

С археологической точки зрения обследованные районы характерны в том отношении, что здесь всюду заметны следы взаимодействия оседлой и кочевой культур. Большой контраст представляют особенно долины р. Сары-Су с притоком Кенгир, низовье Чу и предгорья Северного Кара-тау, где памятники древних кочевых племен чередуются с остатками оседлого земледелия. Многочисленные курганы, остатки оросительных каналов, развалины полусоседлых временных поселений типа кишлаков, развалины городищ, феодальных замков, архитектурные сооружения — вот основные типы памятников в указанных районах.

Особенно бросаются в глаза курганы Центрального Казахстана, неоднократно отмеченные исследователями. Они обычно расположены в степных равнинах поблизости речных долин, оазисов или около бора (земляные курганы), часто на вершинах холмов, бугров (каменные курганы). Такое расположение курганов имеет существенное значение, так как оно связано, во-первых, с социально-имущественным различием людей, погребенных в этих курганах, во-вторых, показывает возраст этих памятников. Большие равнинные курганы, несомненно, древние и относятся, главным образом, к Андроновской и Карасукской стадиям эпохи бронзы. Богатый погребальный инвентарь, состоящий из бронзовых, золотых или серебряных предметов, свидетельствует о том, что в больших равнинных курганах погребены люди из имущего класса, часто представители родовых верхушки. Характерную внешнюю особенность этих равнинных «княжеских» курганов составляют их размеры, и, как правило, они всегда окружены глубоким рвом или оградой из массивных каменных колец. Такие курганы отмечены нами в нескольких местах, например, в местечке Арал-Тобе, расположенном в 10 км к северо-востоку от горного хребта Ала-тау, в долине р. Манака, на р. Сары-Су и в предгорьях Улу-тау.

Обращает на себя внимание группа курганов, расположенных в долине р. Атасу, так называемая «Кара-Оба» и курганы около плотины «Дарат». В Жана-Аркинском районе группа больших курганов рас-

положена, в частности, в районе Кара-Агаш, входящем в состав бассейна р. Сары-Су и находящегося в 40 км к северу от места слияния р. Атасу с р. Сары-Су.

К сожалению, отсутствие рабочей силы не позволило вскрыть хотя бы один из таких больших курганов. Местные казахи говорят, что при раскопке больших равнинных курганов чаще всего встречаются женские украшения и их принадлежности. Это отмечено также раскопками Козырева в районе Кара-Агаш, где при вскрытии большого равнинного кургана обнаружен богатый набор предметов, состоящий из украшения свадебного головного убора, напоминающего саукеле молодой невесты.

Наиболее многочисленную часть этого типа памятников составляют курганы, расположенные на вершинах высоких холмов. Судя по инвентарю и погребальному обряду, памятники на высотных местах относятся к более позднему времени и часто смешиваются с могильными сооружениями древних кипчаков (X — XIV вв.) и казахскими погребениями XV — XVIII вв.

Впрочем, эта хронологическая рамка прослежена и в раскопках экспедиции ГАИМК, проведенной в 1932 г. в бассейне р. Нура и Черу-бай-Нура*.

Экспедицией обследована группа курганов с каменными насыпями, расположенная на урочище Караши в Жар-Тас, в 20 км к востоку от хребта Ала-тау, в окрестности старого свинцового завода Жара-Аркинского района Карагандинской области. Курганы эти сложены из дозольно крупного камня в виде холмов, среди которых один выделяется своим довольно крупным размером с округленной возвышенностью в центре. Вскрытие двух небольших каменных насыпей из этой группы памятников показало, что они относятся ко времени не ранее XIV — XV вв. н. э. Погребения оказались совершенно целыми, если не считать порчу грызунами. Однако, кроме сравнительно свежих скелетов покойников, в них не было обнаружено никакого инвентаря. Могильные ямы ориентированы головой на северо-запад, и скелеты покойников лежали обращенными лицами к юго-западу. Здесь ясно видны отпечатки исламской идеологии, проникшей в среду кочевых племен Центрального Казахстана, соорудивших эти памятники.

Характерным является еще то, что в одном из курганов прослежены остатки истлевшей кошмы, служившей, очевидно, чем-то вроде савана.

Памятники на вершинах высоких гор носят на себе глубокие следы патриархально-родовой идеологии, связанной часто с культом предков. По свидетельству древних письменных источников у кочевых народов, находившихся на стадии доклассового общества, существовали такие обычаи, по которым они хоронили своих родителей на недоступных местах и, в первую очередь, на вершинах высоких гор или холмов. Такая идеологическая надстройка возникла у них в связи с почитанием духа отцов и в связи с идеей охраны останков родичей от посягательства и оскорбления со стороны врага. В виде подтверждения этих указаний письменных источников многие вершины холмов, сопки и гор Центрального Казахстана увенчаны древними могильными сооружениями.

Курганы Центрального Казахстана встречаются группами, обычно в сочетании «бес-оба» (пять бугров) «уш-оба» (три кургана) и одиночками — «жалгыз-оба». Они по величине несколько меньших размеров, по сравнению с курганами Семиречья и Алтая, но отличаются большим разнообразием и обширностью. Богатство курганной культуры Центрального Казахстана уже отмечено горным инженером Козыре-

*) Известия ГАИМК, вып. 110, 1935, стр. 41 — 42.

вым, который в 1905 г. в связи с раскопкой одного из курганов около бора Кара-Ачаг, писал: «При своих многочисленных поездках я поражаюсь обилием древних курганов, разбросанных по площади уезда*. Особенно богата ими южная часть, начиная от левого берега р. Ишма».**

Нами обследована большая серия курганов, расположенных на территории Жар-Аркинского, Джезказганского и Улутауского районов Карагандинской области. Ими очень богаты бассейны рек Сары-Су, Кенгир, Джезды, Байконур и Буланты.

Особенно отличаются обширностью и разнообразием курганные группы района Улу-тау и площади Арганаты.

Здесь преобладают каменные насыпи и кольцевые ограды так называемые «кромлехи» с их многочисленными вариациями. Экспедицией зафиксирован целый ряд вариантов кромлех, в виде круглой и четырехугольной форм оградок, окруженных врытыми в землю вертикальными плитами из массивного гранита, иногда поставленными по четырем углам. Курганы этого типа, как правило, сопровождаются каменными изваяниями в виде фигур мужчин и женщин. Эти статуи или так называемые «каменные бабы», обычно вставлены в западном краю «ограды» и обращены лицом в сторону восходящего солнца.

Одну из разновидностей кольцевых оград составляет так называемое «солнце», или каменные насыпи, напоминающие по плану солнечный диск и имеющие две лучеобразные каменные выкладки, обращенные к востоку.

Курганы этого типа очень оригинальны по устройству, встречаются часто группами и по своему расположению напоминают вид кочевого аула, имеющего в центре загон для скота (катан)—курган—«солнце»

На северном склоне Улу-тау, близ урочища Орезаир мы обследовали группу каменных насыпей типа «солнце». На квадратной площади было расположено всего шесть курганов, среди которых два кургана выделяются своими сравнительно крупными размерами и занимают центральное место в западной стороне площади. Каждый курган имеет в диаметре 10 м, высота—1 м, расположены курганы друг от друга на расстоянии 10 м. По обе стороны этих центральных курганов параллельно с ними расположены еще два небольшого размера кургана, составляющие как бы плечо к ним. От этих насыпей идут обращенные к востоку две лучеобразные расходящиеся дорожки, выложенные камнями. Длина каждой 126 м, северной—140 м, на концах этих дорожек имеется еще по одному кургану, каждый диаметром 8 м и расстояние между ними 100 м. Вся площадь, занятая этими каменными насыпями, имеет вид кочевого аула.

При вскрытии двух центральных насыпей был обнаружен слой перегной, или сажистый слой, под ним рксановатая земля с большой примесью щебня и древесины и ниже ее тонкий слой мелкого угля с примесью кварцевых песков. Здесь явные следы огня. Никаких признаков погребения ни в том, ни в другом кургане не было найдено. Судя по этим признакам, курганы типа «солнце» являются только ритуальным сооружением, устроенным на месте трапезы или поминок. Они могут быть также памятными сооружениями, возведенными после какой-нибудь страшной катастрофы, например, гибели целой хозяйственной общины от чумы или гибели от нашествия врага. Ритуальный характер кур-

*) Имеется в виду Акмолинский уезд, который в дореволюционный период занимал основную часть Центрального Казахстана, включая нынешние Акмолинскую и Карагандинскую области.

***) Известия археологической комиссии, вып. 16, стр. 27.

ганов типа «солнце» отмечен и проф. С. В. Киселевым на р. Нура*).

Мы производили вскрытие еще двух-трех небольшого размера курганов, не давших никакого инвентаря, за исключением костяков. Только при вскрытии одного кургана на территории колхоза им. 1-го мая Улутауского района (верховье р. Кара-Кенгир) были найдены фрагменты керамического сосуда, сделанного ручной лепкой без гончарного круга, с орнаментом. Сосуд сделан из очень тощей глины с большой примесью дресвы темносинего цвета обжига. Судя по форме он был предназначен для кочевого обихода. Сосуд имеет круглое дно с суженным горлышком и двумя отверстиями в краях, сделанными для укрепления ремня или лука с целью подвески его над костром.

Из других объектов, найденных в этом кургане, обращает на себя внимание искусственно деформированный череп пожилого человека, представляющий научный интерес. Череп очень хорошей сохранности, имеет сильно вытянутую назад коническую форму. Это один из редких случаев на территории КазССР. Деформированные черепа первый раз обнаружены Гейкелем и затем Бернштамом при раскопке Кенкольского могильника в верховьях р. Талас. По определению Бернштама курганы с деформированными черепами относятся к началу нашей эры или эпохе гуннов.

Антрополог Е. В. Жиров также подтверждает типичность деформации черепа для этого периода. Наш череп имеет почти такую же коническую форму деформации, как череп, найденный Бернштамом при раскопке курганов с катакомбами в долине р. Талас.

Находка деформированного черепа в курганах Центрального Казахстана имеет большое научное значение, и дальнейшие находки этого рода объектов могут служить для выяснения ряда вопросов, связанных с древнейшей историей КазССР, в том числе с проблемами этногенеза, хронологии и т. п.

К сожалению, среди курганов Центрального Казахстана очень редко попадают нетронутые, многие из них раскопаны до основания и лежат с глубокими воронками в центре насыпи, не обещая что-либо для науки. Экспедицией зафиксирован ряд любопытных случаев, показывающих результаты этих самовольных раскопок.

В 10 км от пос. Жана-Арка, по правой стороне реки Сары-Су, находится группа земляных курганов, расположенных на возвышенном месте. Они довольно значительных размеров, каждый диаметром от 25 до 50 м и окружен рвом. Судя по глубоким ямам, все курганы основательно раскопаны. Колхозники этой местности рассказывали, что эти курганы вскрыты группой казахов в 1914 г., в которых они нашли ценные золотые и серебряные предметы (чаши, браслеты, пластинки). Найденные предметы они продали в городе Акмолинске за солидную сумму денег и на выручку купили около тридцати голов крупного рогатого скота и двух верблюдов. Это показание колхозников подтверждено и рассказами стариков-казахов, живущих в пос. Жана-Арка. Другой более интересный случай отмечен нами в Улутауском районе. Как на р. Сары-Су Жана-Аркинского района, так и здесь все курганы в середине насыпи имеют следы сравнительно недавней раскопки в виде больших глубоких ям. При беседе с одним из старых бугровщиков Улутауского района, человеком лет около 70, выяснилось, что вопреки запрещению не трогать надгробные сооружения, некоторые из жителей Улутауского района хотели найти ценности в древних курганах и начали копать их, особенно с периода первой империалистической войны. При этом он говорил, что они были увлечены раскопками курганов под влиянием инженеров-геологов, работавших на Карсакпай-

*) Известия ГАИМК, вып. 210 стр. 49.

ских месторождениях медной руды. В 1900 г. ими раскопан один большой курган, расположенный около Улу-тау, в урочище Тогузбай-Коль, в котором ими найдены седло с принадлежностями, лук, наконечник, копыя и серебряная чаша, переходившая из одних рук в другие не только как редкость, но как предмет культа.

Очень досадным является то, что в 1932 г. ими разрушен весьма важный в научном отношении памятник, содержащий уникальные предметы древности. Мы обследовали этот разрушенный курган. Он находится в группе тех же курганов, расположенных на северном склоне Улу-тау, в урочище Тогузбай-Коль, на территории колхоза им. Амангельды, Улутауского района Карагандинской области. Курган сложен из каменных насыпей и имеет в диаметре 25 м, первоначальную высоту определить не представлялось возможным ввиду того, что курган почти опрокинут дном вверх. Возле кургана стояла каменная статуя, высеченная из серого гранита и изображающая собой обнаженную женскую фигуру с выпуклыми и довольно рельефными грудями. Статуя высечена гладко и монументально. Однако она сильно испорчена, очевидно, от рук «кладонскателей». При раскопках этого кургана были найдены следующие предметы: части юрты, состоящие из остова (Кереге, Ууык и Шанграк), большие куски истлевшей кошмы, войлоки с аппликацией, рассыпавшиеся на мелкие куски фрагменты шелковой ткани, богатый набор украшений, седла, узды и ряд других предметов кочевого быта. К сожалению, эти ценные предметы уничтожены бесследно для науки. Все это происходило перед глазами бывшего Комитета по делам охраны памятников старины.

Среди памятников древних кочевников Центрального Казахстана особое внимание заслуживают статуи или так называемые «каменные бабы» (балбалы). Они чаще всего встречаются в предгорьях Улу-тау, в верховьях р. Кенгир, на площади Арганаты. По определению К. И. Сатпаева, основным материалом для каменных баб в этих районах служит розовый песчаник, выходы которого в окрестностях Улу-тау неизвестны. К. И. Сатпаев говорит о возможности изготовления каменных изваяний в другом районе. Экспедиция имела возможность зафиксировать некоторое количество каменных изваяний в окрестностях Улу-тау и в верховьях р. Кенгир. Каменные бабы, числом до пяти, обследованы в частности, на северном склоне Улу-тау: одна более грубая со слабо заметными чертами лица найдена около мавзолея Торт-Кара, другая — на урочище Тогузбай-Коль, третья — в местечке Орезаира. Все они расположены недалеко от центральной усадьбы колхоза им. Амангельды, Улутауского района.

Четыре каменные статуи расположены на юго-западном склоне Улу-тау, у подножья горы Едыге, на территории колхоза «Казахстан» (южные предгорья Улу-тау). Каменные статуи в окрестностях Улу-тау почти однотипны и представляют собой фигуры мужчин и женщин. Они поставлены обычно в западной стороне кургана и обращены лицом к востоку. Большинство этих статуй сделано довольно грубо в виде высоких прямоугольных плит, со слегка отшлифованной верхушкой, со слабо заметными чертами лица, но в целом они неплохо передают фигуру человека.

На усадьбе молочной фермы колхоза им. Амангельды экспедиции была передана каменная статуя, вырытая колхозниками из фундамента во время разбора старого казахского двора. Изваяние это высечено из розового песчаника и представляет собой фигуру молодой женщины с оригинальным головным убором в виде круглой шапочки и с серьгами. По словам колхозников, самые интересные статуи находятся в верховьях Кара-Кенгир, в 20 км к востоку от центральной усадьбы колхоза им. 1-го мая Улутауского района. Статуи эти установлены возле юртообразного каменного сооружения, известного под

именем «Кос-Уйта». По словам местных жителей, это сооружение и статусу напоминают собой памятники Козы-Корпеша и Баян-Слу на р. Аягуз. По западной стороне каменного сооружения поставлены рядами две фигуры женщин, обращенные лицами к востоку. На голове одной—высокая коническая шапка, напоминающая собой свадебный головной убор казахских женщин (саукеле). В связи с этими памятниками чрезвычайно интересно привести выдержку из классического описания надгробных памятников у кипчаков-команов В. Рубрук, побывавшего в их кочевьях в середине XIII в. Рубрук пишет следующее: «Команы насыпают большой холм над усопшим и воздвигают ему статую, обращенную лицом к востоку и державшую у себя в руке перед пупком чашу*». Каменные статуи Центрального Казахстана с поразительной точностью соответствуют этому описанию Рубрука.

Среди кенгирских надгробных памятников большой интерес представляют статуи, изображающие фигуры орла. Такие фигуры встречались нам в двух местах: первый раз возле древнего сооружения Джамбул (в 50 км к северу от Жезказгана, на левой стороне р. Кенгир), второй раз возле кургана, находящегося в степной равнине в 5 км к юго-западу от мест слияния двух Кенгир (Кара и Сары). Фигура орла, высеченная из серого гранита, ставилась обычно в западной стороне кургана в двух или трех метрах от последних и обращена к востоку. Высота этих фигур колеблется от 80 до 100 см. Присутствие изображения орла в виде надгробного памятника—факт довольно любопытный и связан, очевидно, с тотемизмом у кочевых племен древнего Казахстана.

Интереснейшими и многочисленными памятниками материальной культуры Центрального Казахстана являются так называемые «петроглифы», или наскальные изображения. О наличии писаниц и надписей на камнях в Улутауском районе известно с средних веков, они известны особенно с XVIII в. по трудам Страленберга, Витзена, академиков Миллера, Палласа, Шренка, Рычкова, Спасского и ряда других лиц.

Плита с надписью была открыта в 1936 г. К. И. Сапгаевым в 40 км на северо-запад от гор Улу-тау на вершине гор Алтын-Шоку. Плита развалин древнего сооружения из амфиболитовых плит с ошланованными поверхностями.

Плита эта ныне выставлена в отделе «Востока» Государственного Эрмитажа (Ленинград).

Мы обследовали большие серии наскальных изображений, выполненных точечной техникой на гладких каменных обнажениях и представляющих собой силуэтное изображение животных и людей. Обширная группа петроглифов, изображающих собой сцены охоты и караван верблюдов, обнаружена, в частности, в местечке Кара-Жаргас, близ горы Калмак-Кырган, составляющей отроги горных систем Актау и Ортау Жана-Аркинского района. Изображения эти нанесены на отвесных скалах гранитной стены, обращенной на юго-восток, у подножья которой протекает небольшая речка, берега которой обильно заросли травой. Природные условия этой местности отличаются некоторым своеобразием. Среди складчатых горных массивов Актау и Ортау простираются обширные степные равнины, поросшие обильными лугами, которые благоприятствовали пребыванию здесь с древних времен различных кочевых скотоводческих племен. Среди рисунков на этой скале преобладающее место занимают фигуры двугорбого верблюда, марала, сайги или горных козлов и изображения человека.

Привлекает к себе внимание большая группа наскальных изображений, найденных экспедицией в урочище Теректы Жезказганского

*) В. Рубрук. Путешествие в восточные страны. Перевод А. И. Мамина; СПб, 1911.

района. Рисунки выбиты на вершине гладкого гранитного массива и несколько отличаются сюжетом от петроглифов в других районах, изображая собой стадо диких куланов, бизонов, лошадей и человека. Основной сюжет здесь — человек и лошадь. Бизон, как тотемное животное, показан более рельефно и только в двух местах, но теряется среди изображений диких куланов.

Местность Теректы известна среди местного населения не только своей писаницей, но и наличием целого ряда памятников древностей: пещерами, служившими жильем для первобытного человека, прекрасными надгробными сооружениями XIX—XX вв., надгробными плитами, тамами и пр. Она находится напротив станции Теректы Джезказганской железной дороги в 50 км к северу от правого берега реки Сара-Су.

Большой научный интерес представляют наскальные изображения в окрестностях гор Улу-тау, на скалистых берегах рек Байгундур, Юдеуты и Буланты. Чрезвычайно ценный петроглиф зафиксирован на юго-западных склонах Улу-тау в районе колхоза «Казахстан». Здесь на гранитных отвесных скалах нанесен точечной техникой вид кочевого аула, караван верблюдов, некоторые в упряжке, всадники на коне и верблюде, табун пасущихся лошадей, стадо верблюдов, крупного и мелкого рогатого скота, а также целая серия диких животных, среди которых выделяются изображения архара, горных козлов, кулана и пр. Другая группа наскальных изображений прослежена на обрывистом берегу речки Сарылык, возле старой казахской зимовки Усабайконг, расположенной в 5 км от центральной усадьбы колхоза им. Амангельды Улутауского района. В этой группе рисунков характерными являются изображения куланов, таутеки и отдельно двугорбого верблюда, как бы в упряжке. Число всех рисунков около 25 штук.

Наиболее обширная группа наскальных изображений обследована экспедицией на скалистом берегу р. Баланты, на гладких сланцевидных обнажениях. Писаница имеет протяжение в несколько десятков метров и состоит из множества рисунков, изображающих разного рода животных и людей, а также картину большой облавной охоты. Среди рисунков обращают на себя внимание изображения сцены охоты человека, с луком в руках, за оленями или за быком. Отдельный сюжет посвящен каравану верблюдов, изображению человека верхом на лошади возле пасущихся животных, или находящихся в состоянии покоя. Имеется также изображение верблюда в упряжке. Большая часть рисунков нанесена в недоступных местах, высотой до 200 м на гладкой отвесной скале. Часть изображений уже начала разрушаться. Все рисунки хорошо выделяются светлым контуром на фоне скал, покрытых пустынным загаром.

С петроглифами тесно связаны надписи на камнях и родовые знаки древних кочевых племен, так называемые тамги. Надписи на камнях прослежены нами в Жана-Аркинском районе в местечке Кара-Жартас, там, где мы нашли группу наскальных изображений с рисунками животных. Что касается родовых знаков, то они встречались почти на всем пути маршрута экспедиции. Целая серия родовых тамг, в том числе аргынов, кипчаков, найманов, кунгратов, джалайров, дулатов, отмечены в частности, на р. Кенгир около мавзолей Джучи-хана, Алаша, Болган-хана, в местечке Карамола, близ Мазара Джуздена и на р. Джезды в урочище Аяк-Камыр, где стоит мавзолей Темир-Кутлука. Впрочем, здесь имеются киргизские родовые знаки богашей и «Каска-Табан». Обращают на себя внимания тамги, нанесенные на надгробных памятниках, близ р. Тамды, около развалин древнего мавзолея, известного под именем Шимбай. Среди многочисленных родовых знаков, обнаруженных экспедицией, особое вни-

манье заслуживают особенно тамги родов Старшего жуза — джалаи-ров, усуней, дулатов, канглы и других.

Тамги родов Старшего жуза, найденные в районе Улу-тау, должны вызывать некоторый интерес со стороны казахстанских историков, так как у нас мало исторических данных о пребывании этих племен в Центральном Казахстане. Большая группа родовых знаков обследована экспедицией на тракте от Байконура на Тургай и около древнего сооружения Уйтас, находящегося на берегу р. Буланты, в 20 км к юго-западу от рабочего поселка Байконур. Здесь отмечены тамги аргынов, кипчаков, тарактинцев, джалаириков и целого ряда родов, входящих в состав Младшего жуза.

Большая серия родовых знаков, высеченных на скалах, находится в районе Тамгалы-Нура, недалеко от низовьев Сары-Су. Казахские устные предания связывают эти тамги с делением казахов на три сотни, когда каждый жуз получил свой родовой знак в этой местности, но никаких данных нет, когда это произошло. Судя по надписям, большинство этих тамг относится к XV — XVIII вв. Среди родовых знаков большой интерес представляют тамги, нанесенные на керамических плитках (тамги аргынов) и представляющие памятники XIV — XV вв. Изучение этих тамг, родовых знаков, как одного из видов конкретных источников истории древних племен, представляет большой интерес для исторической науки Казахстана.

Помимо обследования различных памятников древностей Центрального Казахстана, в задачу экспедиции входило также изучение остатков древних архитектурных сооружений — мазаров, мавзолеев, мечетей, циклонических сооружений и т. п. Среди архитектурных памятников бассейнов рек Сары-Су и Кенгир бросаются в глаза два основных типа памятников: остатки доисламских архитектурных сооружений и памятники архитектуры, связанные с зодчеством исламского периода.

Доисламские архитектурные памятники Центрального Казахстана (VIII — X вв.) конструктивно отличаются от типа среднеазиатских архитектурных памятников и напоминают собой форму юрты (в виде высокого конусообразного здания). Из этого типа сооружений экспедицией обследовано до семи объектов, среди которых наиболее монументальными и более уцелевшими являются древние сооружения, известные под названием Домбаул, Кос-Уй-Тас, Кара-Дын, Уй-тас, Жанай, Бас-Камыр и др.

Надгробное сооружение Домбаул расположено на возвышенном берегу р. Кенгир в 4 км к северо-востоку от мавзолея Джучи. Размер его с юга на север — 8,90 м, с запада на восток — 7,9, высота около 5,5 м. Оно сложено из каменных плит в виде конуса на квадратной основе. Вход обращен к юго-востоку в виде овальной дуги, в верхней части сооружения имеются два отверстия в виде окон, одно с северной стороны, другое с южной. Большая часть этого сооружения уже обрушилась, пол усыпан крупным каменным плитняком.

Памятник того же типа расположен на берегу р. Кара-Жыланды (приток р. Тургая) под названием Кара-Дын. Сооружение имеет форму круглой юрты, сложенной из крупного камня — плитняка на глине. Размер в диаметре 8 м, высота в настоящее время около 5 м (несколько лет назад оно имело высоту 8 м). В верхней части были сделаны также два отверстия, одно по северной, другое по южной стороне. Древние сооружения в виде конусообразной юрты нередки в районе Улу-тау на площади Арганаты, а также в бассейнах рек Террис-Аккана, Кенгира и Сары-Су.

По своему устройству эти сооружения (Дынг, Кара-Дын) почти такие же, как памятник Козы-Корпеша и Баян-Слу на р. Аягуз и башни Дынгек в районах Семиречья. Значение терминов «дынг» и

«дынгчек» одно и то же: означает башню или высокое конусообразное архитектурное сооружение языческого периода, классическое описание которого дает тот же Рубрук. Он пишет: «Они (команы) строят также для богачей пирамиды, то есть остроконечные домики, и кое-где я видел большие башни из кирпичей, кое-где каменные дома, хотя камней там и не находится»*. Действительно, многие каменные сооружения стоят в равнине возле речных долин (памятник Козы-Корпеш), т. е. там, где нет абсолютно никакого признака камня. Для сооружения каменных башен строительный материал в этих случаях привозился из других местностей.

Форма конусообразных строений сохранялась почти до начала XX в. Сооружения этого типа, сложенные в большинстве случаев из саманного кирпича, встречаются сплошь и рядом. Ими особенно богаты долины рек Сары-Су, Конг, Нура, Моинты, побережья Балхаша, долины низовья р. Чу, районы Бетпак-Дала и т. д.

Наиболее насыщенными древними архитектурными памятниками являются долины рек Сары-Су и Кенгир. В долине р. Кенгир, составляющей часть Улутауской складчатой равнины, почти каждое урочище занято какими-либо памятниками, иногда довольно внушительными. Это вполне понятно, ибо район Кенгира и Улу-тау в прошлом на протяжении ряда столетий сыграл известную роль, являясь одним из культурно-экономических районов кочевого государства Дешти. Тучная плодородная долина р. Кенгир-Хингина с ее обильными лугами, водоемами, богатыми рыбой и водоплавающей дичью, представляла собой не только прекрасное пастбище для скотоводов, но и благоприятствовала иногда насаждению здесь оседлой земледельческой культуры. Это видно всюду в виде остатков древних архитектурных сооружений, оросительных каналов, а иногда полусоседлых населений. При завоевании этого края монголы сделали его одним из экономических и политических центров господства, насаждая жесткую форму эксплуатации в среде трудовых масс скотоводов-кипчаков. Район Улу-тау с Кенгиром и бассейном р. Сары-Су оказался личным поместьем завоевателя Джучи-хана, который делил его прекрасные просторы между своими беками и ноенами.

Феодалные ханы Золотой орды часто любовались ширью Улутауской равнины, превращая ее в запретное ханское пастбище («хан корык») и огораживая ее феодальным законодательством от браконьерства. О том, как монголы проявили захватнические вылазки при виде богатой пастбищами Улутауской степи, мы узнаем из рассказа известного писателя первой половины XIII в. Джузджани, который пишет: «Когда туши увидел воздух и воду кипчакской земли, то он нашел, что не может быть земли приятнее этой, лугов и пастбищ обширнее этих»**.

Ханы — угнетатели народов — Беркен, Узбек, продолжавшие еще кочевой образ жизни, летом проводили время в Улутауской равнине, устранивая здесь свои вторые резиденции. «Говорят, что после восшествия на ханский престол, — пишет один из авторов XV в., — до истечения восьми лет он (Узбек) проводил жизнь со всем своим илем, улусом в странах северного (арка)***. Пешти-Кипчака, так как (ему) нравились (вода и воздух) тех стран и обилие охоты (дичи)»****. В

*) В. Рубрук. Путешествие в восточные страны, перевод А. И. Мамина, СПб. 1911, стр. 80.

**) В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды, т. II, стр. 14.

***) Арка — собственно складчатая страна (арало-иртышский водораздел).

****) Указ. соч. стр. 206.

долине р. Кенгир в тот период существовали, повидимому, ставки под названием «сарай» и «турай». На это указывают историко-топографические наименования местностей Сарайлы и Турайды, упоминаемые в «Абдулл-Намэ» Хафыз-Таныша (автор XVI в.)^{*}.

О сооружениях в долине р. Кенгир XIII—XIV столетий некоторые данные мы находим в «анониме Искендера» (XV в.). Там сказано: «В период правления хана Узбека» Дешти-Кипчак, который всегда был обиталищем неверия и ереси и местопребыванием смуты (булкак) и нечестия, стал страной поколения, и (там) были основаны благотворительные учреждения и места поклонения»^{**}.

Из этого видно, что феодальные ханы силой оружия заставляли трудовые массы кипчаков перейти в ислам и соорудить для них мусульманского типа здания. Живые следы этого сохранились в долине р. Кенгир и Сары-Су до наших дней. В середине XVIII в. капитан П. Рычков зафиксировал развалины целого ряда архитектурных сооружений и городов, расположенных в бассейне рек Кенгир и Сары-Су, в том числе развалины древних поселений Джубан-Ана, Боленг-Ана, Джаксы-Конг и Ботагай. «Развалины города Джубан-Ана, — пишет Рычков, — признак немалого города на р. Кенгир, впадающей в Сары-Су, от устья оной верст восемь. Тут поныне видимо мечетей до пяти и одни палаты, кои немало опустились в землю»^{**}.

В долине р. Кенгир нами обследовано большое количество развалин древних сооружений, главным образом, надгробных памятников, построенных из обожженного кирпича и часто украшенных голубыми изразцами. Эти памятники встречаются здесь в интервале через каждые 10—15 км. Экспедицией обследовано около 20 пунктов с развалинами древних сооружений, из которых каждые занимают площадь обширного некрополя. Эти некрополи известны под именем мавзолеев Алаша-хана и Джучи, Колин-Там (или мавзолей младшей жены Джучи-хана), Кикпай-Там, Бес-оба, Дженит-Там.

Квлин-Там или еще Бузган-Там — развалины значительных сооружений числом до 75 находятся на правой стороне р. Кара-Кенгир, на месте впадения в нее реки Сары-Кенгир.

Развалины древних надгробных памятников расположены недалеко от некрополя, известного под названием Лабак, затем около мазара Жуздена (Кара-Мола) на возвышенном месте, где проходит русло небольшого сая Кара-Кудук, впадающего в р. Кара-Кенгир.

На территории колхоза им. Кызыл-Коммуна Улутауского района экспедицией обследована древняя стоянка «Кунгир-лектобе» и развалины поселения Куль-Токжен. Там же остатки древних оросительных каналов (тоган) и надгробные сооружения Джан-Сеит, Кара-Мола. Развалины древних сооружений в виде остатков каменного городища прослежены около центральной усадьбы колхоза им. Кызыл-Коммуна на правой стороне р. Кара-Кенгир (Бес-Оба). От этих развалин на расстоянии около 15 км по р. Кара-Кенгир, по ее правой стороне, находится еще группа развалин — Кикшай-Там, здесь же и остатки древних оросительных каналов. Значительная группа развалин древних сооружений находится на территории колхоза «Кара-Адр».

Из сарысуйских памятников наиболее важным в художественно-архитектурном отношении и древнейшим по возрасту является мавзолей Джубан-Ана. Он находится возле разъезда № 89 Джезказганской

^{*}) В. В. Вельяминов-Зернов. Исследования о касымовских царях и т. д., ч. II, стр. 308.

^{**}) В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды, т. II; стр. 128.

^{***}) П. Рычков. Топография Оренбургской губернии, 1762.

железной дороги, на правой стороне реки Сары-Су. Мавзолей построен из яркочерного обожженного кирпича с фундаментом из каменных плит высотой 50 см. Он имеет квадратное в плане основание, которое постепенно переходит в узкий барабан, состоящий из восьмигранной пирамиды. На ней возведен конический купол, тоже восьмигранный, придающий зданию архитектурное своеобразие. Употребление резной алебастровой декорации внутри помещения, наиболее древней формы украшения здания, позволяет датировать это сооружение XI—XII вв. К сожалению, этот древнейший архитектурный памятник, несмотря на его прочный фундамент, уже сильно разрушен, он уже не имеет своей первоначальной формы, вся наружная декоративная облицовка разобрана для строительной цели.

Одним из интереснейших памятников Центрального Казахстана является мавзолей Болган-Ана. Он расположен в районе урочища Кара-нар на левом высоком берегу р. Кенгир, в 10 км выше ее впадения в р. Сары-Су. Несмотря на то, что купол здания уже провалился, тем не менее, его основной корпус хорошо сохранился до наших дней.

Точно такое же надгробное сооружение, известное под именем Бала-хана или Темир-Кутлука, находится на урочище Кара-Булак, в 8 км к северо-западу от марганцевого рудника, на правом берегу р. Жезды. Памятник известен также под названием Аяк-Камыр. Мавзолей Темир-Кутлука построен из обожженного кирпича на массивном каменном фундаменте и по композиции имеет прямоугольную в плане форму с мощной порталной частью. Мавзолей находится также в полуразрушенном состоянии. Купол провалился, стены в месте соединения с пилястром дали трещину. В 12 км выше от этого памятника по р. Жезды расположена еще большая группа памятников, известных под названием Бас-Камыр. Среди них заслуживают внимания руины надгробных сооружений «Кумыр-хана» и «Косбатыра», а также развалины городища «Топрак-Курган».

Архитектурные памятники средневековья не могли не наложить отпечатка на строительное искусство последующих веков. Мы видим целый ряд сооружений в бассейне рек Сары-Су и Кенгир, построенных по типу мавзолеев Алаша-хана и Джучи. Нами обследовано большое количество архитектурных памятников, принадлежащих позднее казахским мастерам. Среди этих памятников наиболее монументальным и более мощным является надгробие Джуздена, построенное казахским мастером Серали Еламановым в середине прошлого столетия. Это любопытное здание представляет собой большой интерес в том отношении, что оно воспроизводит нам архитектурную форму и детали уже полуразрушенного мавзолея Алаша-хана, являясь точной копией последнего.

Из других позднеказахских архитектурных памятников заслуживают внимания надгробные сооружения мазары Отепа и Отеули. Одно из них пятикупольное здание в крестообразном плане напоминает русский архитектурный стиль средних веков. Другое здание в форме прямоугольника представляет большой архитектурно-художественный интерес своим превосходным декоративным оформлением. К такому же типу сооружений относятся мазары Лабака, Бекходжи, расположенные на левой стороне р. Кенгир, в 20—30 км к северо-западу от мавзолея Джучи-хана.

Все эти надгробные памятники, возведенные в честь байско-феодалной верхушки, были сооружены трудовым казахским населением, эксплуатируемым этой верхушкой, следовательно, изучение этих чрезвычайно интересных памятников имеет большое значение для истории и культуры Казахской ССР.

Архитектурные сооружения XVIII—XX вв. по своим территори-

альным и внешнеархитектурным признакам группируются по топографии местностей. Например, монгинские, нурынские, ишимские, сарысуйские и кенгри-улутауские. Из монгинских памятников обращает на себя внимание своим оригинальным строением и внешним оформлением мазар Ершимана. Он сооружен из сырцового кирпича в виде конуса или пирамиды, таким образом, строго соблюдена доисламская архитектурная форма, классическое описание которой мы видим в записках путешественника Рубрука. Гробница Ершимана является одним из редких зданий, построенных из сырцового кирпича с высоким конусообразным сводом, размер которого достигает до 20 м. Другое надгробное сооружение «Кендыр-бай-Там» сложено также из сырцового кирпича и отличается сравнительно крупным размером и оригинальностью. Мавзолей построено на квадратной основе размером 8 × 8. Снаружи имеет восьмигранную форму. Над основной частью здания, на невысоком круглом барабане возвышается сферический наружный купол, напоминающий шапку (казахскую). Как стены, так и купол украшены стрельчатыми неглубокими нишами и фигурной кладкой кирпича. Характерной особенностью этого здания является также внутренняя штукатурка, которая сделана как бы в виде сплошного свода, напоминающего внутренние стены юрты без какого бы то ни было следа перехода от стен к куполу. По типу постройки это сооружение совершенно отличается от среднеазиатского мусульманского зодчества и напоминает стиль архитектуры Киевской Руси или Византийского зодчества XI — XII вв.

Между монгинскими памятниками особый интерес представляет еще одно здание, построенное на колоннах. Это любопытное сооружение отличается своей конструктивной оригинальностью и прекрасным архитектурным решением деталей. Здание построено из сырцового кирпича в виде ротонды или круглого помещения, взятого в ограду. Купол сложен на восьми мощных колоннах, соединенных между собой стрельчатыми арками. Колонны в верхней части имеют форму многогранника, а в нижней части переходят в сферический круг. Круглое здание или ротонда с восемью колоннами, расположено в центре ограды, обрамленной многогранными выступами с наружной стороны. Здание соединено с входом длинным коридором, выступающим наружу и оформленным с обеих сторон небольшими круглыми колоннами. В самой середине коридора имеются еще два запасных хода по обе его стороны, но внутри двора. Снаружи против входа сохранились остатки двух круглых колонн башни, украшавших, очевидно, порталную часть здания.

Надо полагать, что это единственное здание на территории Казахстана, сооруженное в виде ротонды, украшенное целыми колоннадами и стрельчатыми арками. Здание имело назначение не только надгробного сооружения, но и служило мечетью для байско-феодалной верхушки.

Наряду с рекогносцировочным обследованием различных памятников материальной культуры, экспедиция обратила особое внимание на изучение остатков древних оседлых поселений, с целью выяснения районов распространения оседлой земледельческой культуры в древнем Казахстане и ее связи с кочевым скотоводством. Обследование показало, что бассейн р. Сары-Су с ее притоками Кенгир и Жезды также не лишен остатков оседлого земледелия, как и другие речные долины Южного Казахстана (Талас и Чу). Экспедицией собран довольно обширный материал, характеризующий состояние полуседлого и оседлого земледелия бассейна р. Сары-Су и долины низовья р. Чу, через которые в средние века проходил кочевой путь с юга на север,

Среди обследованных объектов заслуживают внимания остатки древних оросительных каналов и полуоседлых временных поселений.

Остатки оросительных каналов с широко разветвленной сетью встречаются почти по всей долине р. Сары-Су, начиная от ее среднего течения до низовья. Они прослежены нами, в частности, около древних сооружений, известных под названием «Каиб-Ата»,* «Жубан-Ана», «Ала-Теге», «Белен-Ана», и около развалин древнего укрепления Жана-Курган.

Тоган-Каиб-Ата — остатки широкой оросительной системы, имевшей ирригационное сооружение в виде чигирей и земляных плотин. Он расположен против железнодорожного разъезда № 201 по левой стороне р. Сары-Су. Общая длина основного магистрального канала в 3,5 км, глубина его местами достигает до 2 м, ширина — 3 — 4 м. Судя по руслу каналов, в распределительные сети вода подавалась с помощью чигирей, места установок которых сохранились в виде небольших котлованов. Для поднятия уровня воды р. Сары-Су была устроена также земляная плотина, остатки которой прослеживаются у подножья глубокого яра р. Сары-Су, несколько ниже по течению начала арыка, а также широкая пойма размером в 300 — 350 м в виде небольшого озера. Вся площадь по обе стороны магистрального арыка разбита мелкими каналами размером 10 × 20 или 15 × 80 м с оплывшими краями. Судя по почвенным данным долины р. Сары-Су, оросительные каналы здесь были использованы, главным образом, для посева проса или так называемого «квняка», о возделывании которого в стране Дешти-Кипчак имеется прекрасное описание в записках путешественника Ибн-Батуты (XIV в.).

Об этих оросительных каналах сведения местного населения существуют только смутные предания и никто не помнит, когда они существовали. Постройку арыка предания связывают с именем некоего Каиб-Ата, мазар которого, сооруженный из обожженного кирпича, находится возле этих каналов и имеет полуразрушенный вид.

Сооружение этой оросительной системы, безусловно, не случайное, с ней, очевидно, связана древняя земледельческая культура на р. Сары-Су. Дальнейшее более тщательное обследование долины среднего течения р. Сары-Су явится гарантией того, что здесь будут обнаружены и остатки древних оседлых и полуоседлых поселений.

Остатки древних оросительных каналов прослеживаются также в долине р. Кенгир, плодородная почва которой способствовала ведению здесь земледельческой культуры хотя бы в небольшом размере.

В долине р. Кенгир оросительные каналы зафиксированы в двух местах: в районе слияния двух Кенгир, около мавзолея Джучи и его жены Келин-Там, и на территории колхоза им. Кызыл-Коммуна («Кинкпай-Тоган», «Жажит-Тоган»). Как правило, на небольшом расстоянии от этих оросительных каналов расположены надгробные сооружения с каменными плитами, на которых нанесены родовые знаки. Возле этих же оросительных каналов иногда встречаются остатки древних полуоседлых временных поселений в виде современных кишлаков. Развалины таких поселений прослежены на территории колхоза им. Кызыл-Коммуна (Курильдек и Культоккен и на п. Жезды, возле мазаров Аяк-Камыр и Бас-Камыр (Топрак-Курган). Долина р. Жезды представляет собой вид оазиса среди полупустыни, поросшего обильной травой и лугами. Она привлекала внимание древних скотоводов, чтобы иногда укрепиться полуоседлыми поселениями. Аяк-Камыр представляет собой

* Надгробный памятник «Каиб-Ата» показан на сорокаверстной карте, составленной в 1894 г. под ред. генерал-майора Большова (см. исправл. изд. этой карты за 1921 г., л. 11).

возвышенную квадратную площадку со сторонами в 50 м с остатками древнего поселения, расположенными возле надгробных сооружений. По краям площадки сохранились остатки оштукатуренного глинобитного вала высотой в настоящее время около 1 м. Благодаря тому, что вал был сооружен из слабо связанной светложелтой глины он легко подвергся выветриванию. Поверхность площадки совершенно гладкая, без всякой растительности. От сильного размывания дождем следов входа не сохранилось. На поверхности укрепления обнаруживаются лишь в небольшом количестве мелкие фрагменты глиняных сосудов, черного цвета обжига со следами сажи. Среди этих обломков лишь один небольшой фрагмент сосуда темнокрасного цвета обжига сделан из хорошей глины со следами лощения с одной стороны, а остальные изготовлены из одной тощей глины со значительной примесью кварцевой дресвы. Ввиду того, что раскопки не производились, других остатков предметов материальной культуры не обнаружено.

Остатки временных поселений прослеживаются и в низовьях Кенгир. В 5 км выше впадения в Сары-Су экспедицией обнаружены развалины небольшого укрепления, расположенного на возвышенном островке надпойменной террасы левого берега р. Кенгир, против урочища Кара-Жар. Укрепление имеет неправильную форму квадрата и обнесено земляным валом. Длина сторон площадки: северной — 56 м, западной — 50 м, высота — 4,5 м, с южной стороны вал сохранился лишь с углов длиной около 10—12 м с каждой стороны. Наиболее высокая сторона вала, северная, имеет 4 м и постепенно понижается к югу. С наружной стороны вала у подножья его с трех сторон сохранились остатки рва шириною около двух и глубиною свыше метра. Ширина вала верхней части 1 м и нижней 6—7 м. Расчистка стен в двух местах показала, что вал сложен из больших кусков дерна (чирм) и укреплен вертикально поставленными вдоль стены рядами камыша. Внутри укрепления сохранились остатки построек в виде небольших земляных бугров. Вал этот известен среди местного населения под именем Дувал-Аманбая, жившего в середине XVIII в. Судя по остаткам развала, дувал был сооружен с целью защиты от весеннего разлива, за что говорит устройство более высокого вала со стороны течения реки.

В 2 км от этого дувала по правой стороне р. Кенгир находится еще две развалины древних поселений, расположенные друг от друга в небольшом расстоянии, диаметром 20 м. На поверхности развалин укрепления, представляющих собой форму небольших холмиков высотой 1 м, встречается значительное количество фрагментов неполивной керамики, лощенной на одной стороне, и красного цвета обжига, а также обломки красного обожженного кирпича.

Развалины древних укреплений зафиксированы также в окрестностях Улу-тау, на территории колхоза им. Амангельды, в долине небольшой р. Джангабыл. Укрепление это состоит из двух частей — западной и восточной, которые примыкают одна к другой прямоугольными площадками. Размер западной площадки с севера на юг — 82 м и с запада на восток — 100 м.

Укрепление окружено со всех сторон земляным валом высотой в 2 и 3 м над горизонтом. По углам развалин сохранились остатки башен в виде земляных холмов высотой около 3,5 м. Вход в укрепление сделан с южной стороны в виде прохода шириной в 5 м.

Вторая площадка, примыкающая к первой с восточной стороны, имеет также прямоугольную в плане форму; размер ее с севера на юг — 71 м, с запада на восток — 65 м. Площадка эта, как и первая, обнесена с трех сторон валом высотой 2 м, с остатками двух угловых башен в виде холмов высотой в 3 м. Вход на эту площадку

имеется лишь со стороны западной площадки, и обе они были окружены со всех сторон рвом.

Ров, соединяющийся со старым руслом р. Джангар, был длиной в 200 м, ширина рва в верхней части около 2 м, глубина — 70 см. Судя по остаткам камней, сообщение через ров поддерживалось с помощью мостов. Заложенные шурфы в двух-трех местах не дали никаких следов материальной культуры.

Чрезвычайно любопытны остатки древнего замка, расположенного на самой вершине Улу-тау. Замок Этли, сложенный из камня на глиняном растворе, имеет прямоугольную в плане площадку. Хорошо до сих пор сохранились фундаменты отдельных комнат в виде массивных гранитных плит высотой до 50 — 60 см. Замок, известный среди местного населения под именем Ак-мечеть, имеет некоторую аналогию с остатками недостроенного древнего храма «Таш-Ахыр» в Джамбулской области.

Археологические обследования древних поселений Центрального Казахстана дополняются данными персидских источников X — XII вв. Упоминание о городах в стране кимаков (кипчаков) в первый раз мы видим в анонимном сочинении «Худуд-ад-Алем» (Xв.). В этом сочинении в главе «Слово об области кимаков и ее городах» анонимный автор перечисляет названия целого ряда областей и городов, в том числе Менких Джуин или Джубин. «Менких, — пишет он, — город в (области) кимаков летнее местопребывание (их) хакана. Между этим городом и Таразом восемьдесят дней пути для всадника, который поспешно едет»*.

Значительный перечень оседлых поселений в стране кимаков дает автор XI в. Гардизи известный географ Ал-Идриси (XII в.). Замечательно, что Идриси также говорит о поселениях, расположенных на вершинах гор, которые назывались «Хиям», вернее, «Киян» — преступное место. Описывая области и города гузов и кимаков, Ал-Идриси пишет следующее:

«Они (гузы и кимаки) владеют превосходными пастбищами и проточной водой, но в их стране чрезмерный холод, главный город их называется Хаим, там они находят убежище и там укрываются со своими пожитками, оно называется Хиям; это — укрепление-крепость на вершине горы с трудным подъемом, она крайне неприступна и укреплена»**.

Однако после захвата степи Казахстана монгольские завоеватели проводили политику поощрения пастбищного скотоводства за счет уничтожения целого ряда земледельческих поселений. Это сильно отразилось на дальнейшем развитии оседлой культуры в средневековом Казахстане. Земледельческие поселения, существовавшие здесь в домонгольский период, теперь были превращены в сплошные кочевые яйлаки (пастбища). Об этом характерно указание В. Рубрука, которое совершенно противоположно данным арабо-персидских источников X — XII вв., свидетельствующих об оседлых поселениях в Центральном Казахстане.

Рубрук, совершивший обратное путешествие от Каракорума на Волгу через степи Центрального Казахстана, «не видел» за время своего путешествия «ни разу города или следа какого-нибудь здания, кроме гробницы, за исключением одной деревеньки»***.

Тем не менее, оседлые поселения, хотя бы спорадически, но существовали в речных долинах Центрального Казахстана (X — XVI вв.).

* «Худуд-ад-Алем», изд. акад. В. В. Бартольда, Ленинград, 1931.

** Материалы по истории туркмен и Туркмени, ч. I стр. 221 — 222.

*** В. Рубрук, Путешествие в Восточные страны, стр. 116.

Об остатках этих поселений уже не раз отмечалось в записках путешественников XVIII и первой половины XIX вв.

По словам капитана Рычкова (середина XVIII в.), в бассейне рек Сары-Су и Кенгир существовали развалины значительных городов, известных под названием Джубан-Ана и Беленг-Ана, и третий значительный город (Ботагай) в нижнем течении р. Нура, в 30 верстах выше ее впадения в оз. Кургальджин. Рычков пишет: «Развалины Джубан-Ана — признак немалого города на р. Кенгир, впадающей в Сары-Су, от устья оной верст восемь. Тут поныне видимо мечетей до пяти и одни палаты, кои немало опустились в землю. Киргизы-кайсаки объясняют, что тут было жилище некоего ногайского хана»*.

К сожалению, поиски развалин Джубан-Ана в низовьях р. Кенгир не увенчались успехами, за исключением того, что здесь выявлены развалины трех небольших укреплений, которые трудно отождествлять с древним городом Джубан-Ана.

Город Джубан-Ана, если он действительно существовал, это по видимому то же, что Джуин (Джубин) анонимного автора «Худуд-ад-Алем». Экспедицией обследован надгробный памятник Джубан-Ана, который находится не в низовьях р. Кенгир, а в среднем течении р. Сары-Су, возле разезда № 89 Джекказганской железной дороги. Возле этого мавзолея не видно никаких следов поселений, за исключением остатков оросительных каналов, да небольшого каменного кургана, который трудно принять за развалины поселения.

О городе Ботагае (или Татагае) на р. Нура Рычков говорит, что это «...развалины великого города в киргиз-кайсацкой Средней орде на р. Нура, впадающей в оз. Кургальджин от устья оной реки верст 30. По признакам был сей город положением в верстах на 10, еще видны тут четырехугольные палаты наподобие замка, так велики, что вокруг сажен на 300. Тут же одна мечеть и весьма много развалившегося каменного строения. Киргизцы сказывают, что тут в старину жили ногайцы»**.

Городище Ботагай описано инженером Шангиным и историком Левшиным, которые характеризуют его также остатками значительного города, «простирающегося верст на 10»***.

Эти данные являются основой будущей археологической работы в Центральном Казахстане для топографического изучения остатков земледельческих поселений, относящихся к VIII—XVI вв. В дополнение к письменным источникам археологические обследования показывают, что, наряду с пастбищным кочевым скотоводством, здесь существовали некоторые торгово-ремесленные центры, снабжавшие кочевое население предметами городского ремесла и продуктами земледелия.

Большое количество памятников древней оседлой культуры выявлено особенно в северных склонах Кара-тау и в долине низовья р. Чу. По богатству памятников оседлой культуры этот район представляет огромный историко-археологический интерес.

Здесь ярко прослеживаются остатки мощной городской культуры с богатым подъемным материалом, среди которого большой интерес представляют фрагменты керамики, каменные зернотерки, монеты, керамические плиты, предметы художественного ремесла и пр. В северных оазисах Кара-тау обследованы развалины древних городов Тарса-Тобе, Древний Сузак, Баба-Ата, Чулак-Курган, Кумкент, Сау-

*) П. Рычков. Топография Оренбургской губернии, ч. I, 1762 г.

**) П. Рычков. Указ. сочинения.

***) А. Левшин. Описание киргиз-кайсацких орд и степей, ч. I. Сибирский вестник за 1820 г.

дакент, развалины средневековых феодальных замков Аксумбе, Кюль-Тюбе, Ак-Тобе и др.

Развалины крепости Ак-Сумбе расположены на северо-западном конце хребта Кара-тау, на большой караванной дороге с юга на север. Развалины представляют собой две параллельные площадки: одна более крупная по своим размерам, другая имеет форму квадрата со сторонами 25 м, высота 2,5—3 м. Площадки окружены со всех сторон земляным валом высотой 70 см. По углам площадок сохранились остатки небольших башен в виде земляных холмов высотой 50 см. На поверхности обеих площадок в довольно большом количестве встречаются фрагменты керамики, главным образом, толстостенных сосудов типа корчаг, или «хума», изготовленных на гончарном круге из сравнительно хорошего замеса и обжига теста. Встречаются также фрагменты котлообразных сосудов черного цвета обжига, несколько грубого замеса с большим содержанием дресвы и глины. Сосуды последнего типа имеют обычно закопченные поверхности, свидетельствующие о пребывании их в огне.

Около этого укрепления, на вершине небольшой горы, составляющей отроги северного Кара-тау, высотой около 200 м, находится башня под именем Ак-Сумбе. Сооружение это, имеющее форму высокого конуса с усеченной верхушкой, причем расположенное на вершине горы, производит довольно внушительное впечатление. Оно построено из крупного сырцового кирпича на каменном фундаменте. Высота его в настоящее время 12 м, диаметр — 14 м. Вход сделан с юго-восточной стороны. Внутри башни сохранились остатки винтообразного хода на караульную вышку, окна бойницы обращены в сторону низовья р. Чу, т. е. на север.

Постройку башни Ак-Сумбе местные предания связывают с временем нашествия джунгар, однако, судя по письменным источникам, она гораздо древнее. По запискам Шереф-ад-дина Йезди, описавшего военные походы Тимура, башня Ак-Сумбе существовала еще в XIV в. Около нее однажды сделал привал Тимур. О башне Ак-Сумбе Шереф-ад-дин пишет следующее: «Когда они (войска Тимура) прибыли в Отрар, то послали нескольких человек, которые в тех горах занялись поисками Адильшаха. Его захватили в местности Аксуме и казнили. Ак-Сумбе—башня, которую устроили на вершине горы Кара-чук (Кара-тау) для дозора, который наблюдает оттуда за стороной Дешти-Кипчака»*.

Судя по этим данным, постройку башни Ак-Сумбе следует датировать не позднее XIV в.

Из развалин, обследованных в оазисах северного предгорья Кара-тау, особенный интерес представляют городища Баба-Ата, Кумкент, Тарса-Тобе, Древний Сузак и Сауда-Кент.

Городище Тарса-Тобе представляет собой развалины значительно рода домонгольского периода VII—XII вв. с остатками башни цитадели в виде насыпных холмов. Оно находится около современного поселка Сузак, в 2 км к северо-востоку от последнего. Городище имеет форму прямоугольной двухъярусной площадки с остатками земляного вала и руслом старого арыка, проходящего вдоль восточного края городища. Размер площадки с севера на юг 170 м и с запада на восток 85 м.

Разбросанные по всей площади городища фрагменты керамики по форме принадлежат к чашам и хумам и большинство их сделано на гончарном круге. Более архаично выглядят фрагменты котлообразных сосудов, изготовленных из глины с большой лесовой органической

*) Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды, т. II, стр. 158.

примесь и совершенно выгоравших при обжиге. Среди неполливной керамики обращают на себя внимание фрагменты небольших сосудов, очень хорошего обжига, покрытых лощением, также сосуды в форме чайника с широким носом и ручкой сверху, или сосуды с высоким узким горлом. Из поливной керамики характерны мелкие фрагменты сосудов типа блюд, пиал и мисок. Основной фон поливы преимущественно зеленовато-голубой и белый.

Городище Старый Сузак состоит из трех прямоугольной формы площадок со срезанными углами, из которых центральная площадка наиболее высокая. Размер ее с севера на юг — 350 м, с запада на восток — 200 м, высота — 35 м. Восточная площадка имеет масштаб размером с севера на юг — 300 м, с запада на восток — 200 м, высота — 20 м. Примерно такой же размер имеет и западная площадка.

Развалины Старого Сузак расположены в южной части древнего городища, современного поселка, на высоком бугре, представляющем мощный культурный слой, который огибается с севера руслом небольшой реки, питаемой многочисленными родниками, берущими начало из северного склона Кара-тау. Городище пересекает большая грунтовая дорога, проходящая сквозь с севера на юг. Поверхность площадки, улицы и дворы буквально усеяны фрагментами керамики, разнообразной по типу. Здесь встречаются горшки, кувшины с вертикальными угловыми ручками, чаши и др. Все они сделаны на гончарном круге из плотной массы хорошего обжига, без органической примеси, в изломе красного теста. Тут можно найти фрагменты больших котлообразных сосудов и хумов, изготовленных ручной лепкой, также фрагменты тандыра.

Другое значительное городище, известное под названием Баба-Ата, находится в 15 км к юго-востоку от поселка Чулак-Курган на тракте, идущем в Чимкент. Городище занимает обширную площадь высотой от 11 до 13 м. В южной части городища сохранились остатки мощных ворот с оплывшими башнями (цитадель) высотой в 25 м и фундаменты крупных глинобитных зданий. Судя по развалинам, город был обнесен валом. На поверхности площади разбросаны фрагменты преимущественно поливной керамики (блюда, чаши, кувшины). Рисунки на сосудах сделаны в виде черных, коричневых и зеленых полос, идущих поперек тулова сосудов. Основные цвета поливы голубой, синий, зеленый, белый и розовый. Встречаются также фрагменты сосудов темнозеленой или зеленовато-голубой поливы с подглазурным прорезным орнаментом. Таким образом, форма сосудов и рисунки их орнамента несколько отличаются от керамики городища Тараза и среднеазиатского типа керамики, в частности, своеобразием является то, что на бытовых сосудах почти отсутствуют надписи и рисунки, характерные для керамического производства исламского периода. Судя по этим данным, городище Баба-Ата существовало еще до проникновения влияния мусульманской культуры в северное предгорье Кара-тау.

Наиболее важным археологическим объектом, выявленным разведкой 1946 г., является городище Кумкент (песчаный город). Он находится в 25 км к северо-западу от районного центра Сарысуйского района пос. Байкадам и в 30 км к северо-востоку от развалин Баба-Ата. Городище Кумкент — остатки некогда крупного города. Он занимает массивную трехъярусную площадку в плане неправильного прямоугольника. Размер городища с севера на юг 450 м, с запада на восток — 300 м, в южной стороне городища возвышается на 35 м насыпной холм, представляющий собой остатки цитадели. До сих пор хорошо прослеживаются остатки городских кварталов, профиля улиц, остатки крупных сооружений в виде насыпных холмов, иногда и стены и фундаменты зданий из бутового камня, также прослеживаются и

следы тротуаров, выложенных булыжником. Поверхность городища буквально усеяна фрагментами неполивной и поливной керамики, а также обломками обожженного кирпича квадратной формы, характерной для XIII—XIV вв. Вокруг городища на расстоянии 2 км расположено значительное количество бугров, являющихся остатками древних строений, входящих в черту города. Среди этих многочисленных развалин древних зданий сохранились остатки широко разветвленной сети оросительных каналов общим протяжением до 3—5 км.

В 12 км к югу от городища находится родник Жилы-Булак, который был в прошлом единственным источником снабжения города водой. Возле родника расположено древнее кладбище, занимающее огромную площадь, среди которого возвышается миниатюрное архитектурное сооружение — гробница «Шанты-Аулие». На надгробных плитах нанесены родовые знаки (тамги) разных племен, среди которых тамги кунгратов (П), жалаиринов (М) и других родов, входивших в состав казахов Старшего жуза (Сиргели, Ошакты, Ноты и пр.).

Район городища Кумкент вообще отличается остатками значительной городской культуры. К нему тяготеет целая группа городищ и крепостей, расположенных в небольшом расстоянии друг от друга. Экспедицией зафиксированы, в частности, развалины городища Ак-Тобе, находящиеся в 12 км к юго-востоку от Кумкента, и другое городище, расположенное в 15 км к северу от последнего, на самом северном конце оазиса, примыкающего к прибрежным пескам Чуйского низовья. Третье значительное городище (Сауда-Кент) обследовано возле поселка Байкадам, районного центра Сарысуйского района, расположенного в 25 км к востоку от городища Кумкент.

Остатки материальной культуры и особенно керамика во всех этих городищах почти однотипны. Здесь преобладают фрагменты толстостенных сосудов типа корчаг или хумов, фрагменты котлообразных сосудов с круглым дном и толстым слоем сажи. Это последнее говорит о наличии предметов кочевого быта в обиходе жителей этих городов*. Половина керамика довольно разнообразна по цвету, преимущественно голубой, синей и голубовато-зеленой окраски. Среди подъемных материалов редко попадаются образцы полихромных посуды с цветной орнаментацией, тем не менее, судить о керамике северно-каратауских городищ еще преждевременно, поскольку не производились более или менее обстоятельные раскопки.

Археологическая разведка 1946 г. имела возможность в общих чертах выяснить ряд характерных особенностей городищ в северных предгорьях Кара-тау и отчасти в долине низовья р. Чу. Здесь обращают на себя внимание высокие оплывшие холмы, достигающие иногда высоты в 35 м. Это, повидимому, остатки древних оборонительных сооружений (сторожевые башни, цитадели), построенные по заказу местных феодалов. И, как правило, эти сооружения расположены в южной части городищ, как крепости, отражавшие удар врага с юга. Вполне очевидно, что такой принцип устройства военно-оборонительных сооружений в прошлом имел значение и был связан с постоянной угрозой врагов именно с юга, а не со стороны северных кочевых степей, как обычно принято трактовать в буржуазной историографии. Южные соперники — феодалы, вступавшие в частные междоусобные войны против феодалов — северян, составляли для последних основную враждебную силу. Это хорошо видно по устройству древних крепостей и оборонительных сооружений в северно-каратауских городищах.

К сожалению, о существовании этих городов в древности источни-

*) А. А. Бернштам. Памятники старины Таласской долины, стр. 31—32.

ки ни о чем не говорят. Неизвестными оставались до последнего времени их современные развалины. В литературных источниках встречается упоминание лишь о Кумкенте и Саудакенте. Об остальных мертвых городах северного предгорья Кара-тау, долины низовья р. Чу и оазисов Джеты-Конур буквально ничего неизвестно, хотя арабский географ Ал-Идриси дает целый перечень городов и поселений в стране огузов и кимаков*.

В 1253 году через Кумкент проезжал известный путешественник Рубрук, который дал ему, как и другим городам Семиречья, искаженное наименование (Кинкет). Как можно видеть из маршрутной карты путешествия Рубрука, его путь проходил от Янка на Кыялык через южный Урал, Иргиз, низовья рек Сары-Су и Чу, Сузак, Кумкент, Экиогуз (Или). О своем маршруте Рубрук пишет следующее:

«Накануне дня всех святых (т. е. 31 октября) мы оставили дорогу на восток (т. е. на Сыр-Дарью), так как татары** уже значительно спустились к югу и направились через какие-то горы, путь прямо на юг в течение восьми дней подряд. В этой пустыне я видел много ослов, именуемых кулам (кулан), которые больше похожие на мулов; на седьмой день к югу нам стали видны очень высокие горы, и мы выехали на равнину, которая орошалась, как сад, и нашли возделанные земли. Через неделю после праздника мы выехали в некий Сарацинский город по имени Кинчат, глава его выехал навстречу нашему проводнику с пивом и чашами»***.

Город Кинчат, или Кынкат, показан в маршрутной карте Рубрука севернее от Кара-тау, на том месте, где расположены в настоящее время развалины древнего города Кумкент. На юго-востоке от Кинката показан вилах, соответствующий нынешним развалинам города Саудакент. В маршрутной карте Рубрук правильно описывает картину пустыни больших и малых Барсуков, низовья р. Сары-Су, западной части пустыни Бетпак-Дала, через которые он ехал, и, наконец, он воспроизводит нам плодородную равнину северного Кара-тау, с ее поселениями и орошаемыми «как сад» полями.

К сожалению, полное отсутствие литературных сведений об оседлых поселениях в более северных районах и неизученность исторической топографии Казахстана до сих пор не позволили уточнить районы распространения древней оседлой культуры КазССР, которые обычно определяются бассейнами рек Сыр-Дарья, Таласа и верховьями р. Чу. Этой мысли отчасти придерживается и наш советский ученый А. М. Бернштам. Касаясь границы оседлых поселений в Таласской долине, Бернштам пишет: «На север городища доходят до урочища Андрейтал, причем крайним северным пунктом было зафиксировано городище Оххум, километрах в 70 от г. Джамбул»****. Однако археологические разведки 1946 г. показали, что границы распространения древней оседлой культуры тянутся далеко на север, охватывая оазисы северного Кара-тау, низовья рек Чу, Сары-Су и район Джеты-Конур (Бетпак-Дала). К сожалению, отсутствие времени и существующих условий пустыни низовья р. Чу не позволили подробно обследовать топографию района. Необследованными остались такие городища, как Тасты, Ожрай-Тобе, Кек-Арал, Кызыл-Курган (в низовьях р. Чу), Урда-Шагил, Кент, Талды (в оазисах Джеты-Конур).

*) Материалы по истории туркмен и Туркмении т. I, М. — Л. стр. 220 — 222.

**) Рубрук неправильно именуется всех жителей Центрального Казахстана «татарами».

***) Рубрук. Путешествие в восточные страны, перевод А. И. Мамина. 1911, стр. 103.

****) А. Н. Бернштам. Памятники старины Таласской долины, стр. 8.

Тем не менее выявлением этих памятников экспедиция 1946 г. заложила основу большой стационарной работы в этих совершенно не изученных в археологическом отношении районах, являвшихся в прошлом местом средоточия кочевых скотоводов и оседлых земледельцев. Дальнейшее углубленное и стационарное изучение памятников материального производства, этого весьма контрастного района, должно обогатить нашу весьма ценными материалами, проливающими свет на историю прошлого Казахстана. Археологические раскопки развалин городов, расположенных в предгорьях северного Кара-тау, в долине низовья р. Чу и в районе оазиса Джеты-Конур очень важны для выяснения взаимной связи оседлой и кочевой культур, а также для характеристики социально-экономических отношений в жизни этих городов, населенных в большинстве случаев земледельцами, ремесленниками, полуоседлыми скотоводами, а также и верхушкой господствующего класса, стоявшей во главе власти.

Таким образом, археологическая разведка в бассейне р. Сары-Су, в долине низовья Чу и в предгорьях северного Кара-тау выяснила ряд интересных вопросов, связанных с историей взаимосвязи оседлого и кочевого населения этих районов. Она вскрыла типичные черты культуры этих двух хозяйственных форм, выявила культурные центры оседлого и полуоседлого земледелия. Она выяснила особенности оседлых поселений, отличающихся от городских поселений Южного Казахстана, и установила некоторые сходные черты поселений северных районов с таковыми в бассейне р. Или.

На реке Сары-Су обращают на себя внимание руины древних надгробных сооружений, известных под именем Джубан-Ана, Каип-Ата, Баленг-Ана, Талмас-Ата и др. Большинство этих сооружений сложено из обожженного кирпича и, судя по остаткам глазуровых терракот и плиток, имело декоративное украшение.

Среди архитектурных памятников бассейна р. Сары-Су и ее притоков наиболее монументальными и сравнительно уцелевшими являются гробница Алаша-хана и Джучи; о других памятниках этого района, которые уже лежат в развалинах, трудно что-нибудь сказать. Однако в историко-художественном отношении эти развалины представляют большой научный интерес для исследователя. Раскопки двух-трех развалин средневековых зданий дали чрезвычайно ценный материал, характеризующий архитектурный тип и декорацию культовых сооружений в Центральном Казахстане.

Мавзолей, за которым народные предания сохраняют имя Алаша-хана, является одним из древнейших архитектурных памятников Центрального Казахстана, возведенного еще в домонгольский период. Он расположен на возвышенном месте долины р. Кара-Кенгир, в 2 км от ее правого берега, в небольшом расстоянии от усадьбы колхоза им. Сталина Улутауского района. Сооружение это представляет собой великолепное зрелище на фоне степного простора и привлекает внимание проезжего издали за 20 км. Площадь, на которой стоит мавзолей Алаша-хана, занята значительным количеством древних и современных мазаров, различных по типу сооружений и по строительным материалам. Это обширный некрополь, напоминающий вид мертвого городка и образующий своего рода небольшой архитектурный ансамбль.

Мавзолей Алаша-хана находится на юго-западном конце некрополя и выделяется среди других мазаров своей великолепной нарядностью. Он сложен из красного обожженного кирпича разных размеров: для основной кладки здания употреблен кирпич размером $28 \times 11 \times 7$ см и $30 \times 15 \times 15$ см, для фигурной кладки квадратные плитки размером $32 \times 32 \times 6$ см и $30 \times 30 \times 5$ см, для декоративной облицовки портала

и фриза применены плитки более крупного размера (50 × 56 × 6 см) с разным орнаментом.

Конструктивную особенность мавзолея составляет то, что он относится к своеобразному типу сооружения, состоящему из комбинации центрального и порталного зданий. По внутреннему абрису мавзолей имеет квадратную в плане композицию, к которой приделан портал с мощными пилонами, что придает зданию вид прямоугольника. Наружные размеры по северо-западной стороне — 11,91 м, по северо-восточной — 9,73 м, высотой около 10 м. Мавзолей по плану имеет большое композиционное сходство с мавзолеем султана Санджара в Мерве и абсолютное сходство с мавзолеем Мирсанда Бахрема в Кермине (памятник, относящийся к X—XI вв.). Характерную особенность всех этих мавзолеев составляет их центрическая форма, имеющая большую тенденцию эволюционировать в сторону крестообразного плана с зачаткой разработки портала. План мавзолея Алаша-хана с внутренней стороны представляет собой почти крестообразную форму с глубокими и узкими нишами на углах.

Основную декоративную часть здания составляет высокий, ныне разрушенный прямоугольный портал, устроенный с западной стороны мавзолея и снабженный двумя трехчетвертными полуколоннами на углах порталной арки. Колонны имеют базы из шара и двух полушарий и украшены разным орнаментом в виде бактока.

Вокруг арки и тимпана сохранились следы орнаментального пояса, выполненного графической резьбой на плитах в виде восьмиконечной звезды, полукрестиков и восьмилепестковой розетки. Точно такой же орнаментацией украшен и фриз, обрамленный терраковой лентой, покрытой глубоко зеленой глазурью. Наподобие мавзолея Исмаила Саманида в Бухаре, все четыре стены мавзолея Алаша-хана покрыты сплошным кирпичным узором из «квадратиков», «треугольников», «ромбов», «елки» и т. д., комбинацией которых достигнуты эффекты светотеней, выделяющие линию узора. По типу постройки и декоративной орнаментации мавзолей Алаша-хана вообще имеет мало сходных черт с архитектурой эпохи ранних караханидов (X—XI вв.).

Особенно поразительно сходство разработки портала, напоминающего пиштак Рабат-и малик в Кермине, сплошное покрытие узором стен из фигурной кладки кирпича и план сооружения мавзолея.

До разрушения мавзолей имел четыре башенки по углам и ходы на минарете, остатки которых прослеживаются до наших дней. Невысокий купол покоится на 16-гранном барабане, а последний на 8-гранном ярусе или квадрате со срезанными углами. Купол укреплен жердями вдоль и поперек, концы которых выступают наружу. Это примитивное сооружение, нарушающее общий архитектурный фон мавзолея, связано с древнешаманской идеологией, оно сделано для того, чтобы навешивать на концах жердей шкуры жертвенных коней или их хвосты, как было принято у дрезних шаманов, идеологию которых классически описывает известный путешественник Рубрук.

Внутри мавзолея, в северо-западном его углу, имеется ход на минарет. Ход идет вокруг барабана в виде узкого коридора или галереи, соединяющей минареты с правой и левой сторонами портала.

Внутри переход от квадрата к своду совершен при помощи узких глубоких ниш в стенах и более глубоке в углах. Ниши перекрыты стрельчатыми арками, составляющими ярус тропов, на которых и покоится купол. В верхней части ниш имеются сталактитовидные вкладки из кирпича. Внутренность мавзолея освещена четырьмя прямоугольными окнами, устроенными в верхней части стен, а галерея освещается двумя окнами, сделанными выше угловых тропов.

Из декоративной отделки обращает на себя внимание албастро-

вая штукатурка внутри помещения особенно в верхней части входной арки и проема и фриз, составленный из ряда плит с восьмиконечными звездами. В центре каждой звездной плитки имеются розетки и плетения, выполненные графической резьбой.

Портал и верхняя часть мавзолея сильно разрушены, однако, даже в таком полуразрушенном виде он производит весьма внушительное впечатление.

С сооружением памятников на Кенгире тесно связано изготовление обожженного кирпича на месте. Изучение этого вопроса имеет большое историко-техническое и практическое значение. Обследование показало, что строительный материал (обожженный кирпич) для сооружения кенгирских памятников, в частности мавзолея Алаша-хана, изготовлен на месте. Остатки напольной печи (горна) для обжига кирпича расположены на берегу старого русла р. Кенгир, на урочище Канды-Арал в 3 км к северо-западу от мавзолея. Это небольшой котлован диаметром около 20 м, дно которого до сих пор наполнено обломками обожженного кирпича.

Другой значительный архитектурный памятник связывается с именем завоевателя Средней Азии Джучи-хана. Он расположен в 45 км на север от Нового Джекказгана, на левом возвышенном берегу р. Кенгир, которая в этом месте имеет широкую пойму с богатым прибрежным ландшафтом. С этого возвышенного места открывается обширная панорама в долину р. Кенгир, служившей некогда помещьем для степных феодалов. Вода ее изобилует рыбой и водоплавающей птицей. Судя по рассказам Джувейни и Рашид-ад-дина, это место было избрано завоевателем Джучи, где стоит его надгробное сооружение. Вокруг этого мавзолея имеются остатки значительных сооружений числом до 20 и все они были построены из обожженного кирпича и имели декоративную облицовку.

Мавзолей Джучи-хана, сооруженный из обожженного кирпича, до сих пор хорошо сохранился и представляет собой прямоугольную в плане постройку. С юго-западной стороны здания возвышается прямоугольный портал со стрельчатой аркой и невысокий купол на многогранном барабане. Судя по остаткам декоративных плиток, портал мавзолея и купол были разукрашены бирюзовой глазурью и орнаментом из резной терракоты. На это показывают также следы орнаментального пояса вокруг порталной арки и фриза парапета. По словам местных жителей порталный пояс заключал надпись на неизвестном алфавите и дату постройки здания.

Однако, как рассказывают, декоративные облицовки были сняты в 1911 г. атбассарским уездным начальником «для показа степному генерал-губернатору». Из декоративного убранства до сих пор сохранились лишь небольшие фрагменты резной терракоты с глубокой глазурью, образцы которых привезены в Алма-Ата и находятся в фонде Института истории, археологии и этнографии Академии Наук Казахской ССР.

Внутри мавзолея имеет единое пространство, непосредственно переходящее в купол, который покоится на квадратной основе. Кроме гладкой стены, никаких украшений внутри здания не имеется. Обращает на себя внимание лишь то, что пол здания выложен керамическими плитами.

Для установления погребального инвентаря был заложен в задней стене шурф, и примерно на глубине 80 см от горизонта были вскрыты две могильные ямы — склепа, расположенные параллельно задней стене. Гробница у самой стены сделана прямо в грунте в виде прямоугольника длиной 2,20 м и глубиной 60 см. Дно и стены склепа выложены сырцовым кирпичом и по глиняной обмазке были

покрыты толстым слоем штукатурки. В склепе обнаружены остатки деревянного гроба, укрепленного железными гвоздями кустарной работы. У дна могилы, в северо-западном конце ее, обнаружен человеческий череп, довольно хорошей сохранности, но без части верхней челюсти. Интересно отметить, что среди недостающих костей в склепе, не оказалось всех костей одной руки. Кроме головной части, которая была разрушена кладонскателями при вскрытии в 1929 г., основной костяк лежал почти целым. Скелет принадлежал мужчине средних лет.

Все эти признаки подтверждают, что это погребение относится к Джучи-хану. Особенно интересно отсутствие костей одной руки, подтверждающее народную легенду, по которой Джучи-хан был погребен без одной руки. (Другая легенда утверждает, что в этом мавзолее захоронена только одна рука или «мизинец Джучи-хана»).

Вторая гробница, расположенная параллельно первой и являющаяся, очевидно, погребением одной из жен Джучи-хана, обнаружена на глубине 65 см. Стены и дно гробницы выложены плитами в виде саркофага, размером 48 × 21 × 10 см. При выборке плиток, среди них одна оказалась с надписью. Плита эта с надписью лежала внутри склепа, обложенного гончарными плитами и отштукатуренного алебастровым раствором. Склеп имеет прямоугольную вытянутую форму (190 см длины), несколько расширяющуюся в грудной части (75 см) и суживающуюся по концам (65 см). Внутри склепа находился дубовый гроб (ящик) с костяком, но без черепа, который попал в первую могильную яму при грабительской раскопке.

Как известно, в 1929 г. группа жителей из Атбасара совместно с неким Чонг, живущим около этого мавзолея, произвела самовольную раскопку мавзолея Джучи «с целью найти ханские сокровища». Вследствие этого, погребальный инвентарь и скелеты покойников потеряли свой первоначальный вид.

При расчистке первой гробницы в склепе обнаружены мелкие обрывки ткани, обломки железных гвоздей и фрагменты кожи (красного сафьяна) от погребальной одежды. Обнаружены также куски знамени (туг), кости диких животных и череп верблюда. Этот факт чрезвычайно интересен в том отношении, что он подтверждает также исторические предания, по которым Джучи погиб на охоте от нападения диких куланов. Найденные материалы находятся в Институте истории, археологии и этнографии Академии Наук КазССР.

Плита с надписью лежала на дне передней гробницы среди других плит, выложенных на дне саркофага; она лежала под лопаточными костями покойника лицевой стороной (надписью) вниз. Надпись сделана очень рельефно способом графической резьбы. Буквы вырезаны на фоне сложного растительного орнамента, сделанного в виде листьев. Плита имеет квадратную форму, размером 42,5 × 42,5 см при толщине 2,5 см. Она хорошо обожжена и покрыта тонким слоем алебастрового раствора. Однако от сырости она стала настолько хрупкой, что при выемке крошилась. Мы, соблюдая большую осторожность, дали ей подсохнуть и лишь после этого сняли ее с места и даже при этой осторожности она раскололась на несколько частей.

Плита эта является лишь частью надписи, сделанной на нескольких плитах. К сожалению, остальные плиты нам не удалось отыскать. Вторая такая плита была взята при самовольной раскопке в 1929 г. и хранилась в ауле возле этого мавзолея. Наши поиски ее не дали каких-либо результатов. Кроме этой плитки, в склепе был обнаружен еще небольшой обломок, очевидно, такой же плитки.

О нахождении гробницы Джучи-хана на Кенгире в районе Улу-тау

говорят не только исторические народные предания*, но и литературные источники. Об этом особенно характерно сообщение Хафиз-Таныша, автора известного сочинения «Абдуллы-Намэ», описавшего Улугауский поход бухарского хана Абдуллы, преследовавшего своего феодального соперника Баба-султана.

Хафиз-Таныш пишет: «При переходе через Тере-Кендирик Ходжам-Кула Кушбеги послал вперед лазутчиком трех человек своих, они нечаянно в окрестностях могилы Джучи-хана наехали на людей Баба-султана и попали в плен».

Академик Вельяминов-Зернов, впервые переведивший на русский язык Хафиз-Таныша, задается вопросом: «Любопытно было бы знать, существует ли до сих пор в степи это предание о месте погребения Джучи-хана**». Из этого видно, что казахские народные предания о месте погребения Джучи-хана, опубликованные в «Киргизской степной газете», спустя сорок лет после пребывания академика Вельяминова-Зернова в Казахстане, не были ему известны в середине XIX в. Хафиз-Таныш в другом месте сообщает: «В пятницу 5 числа (мая 1582 г.) государь, т. е. Абдуллахан, был на Сарайлы и Турайлы. В субботу 6 мая он расположился лагерем вблизи Сарайлы, не доходя могилы Джучи-хана».

Кроме гробницы Джучи-хана, нами были произведены раскопки развалин надгробных памятников, принадлежавших, очевидно, феодальной верхушке кипчаков. Развалины двух памятников вскрыты возле мавзолея Джучи-хана и один такой же памятник на территории колхоза «Кара-Адыр» Первомайского аулсовета Улугауского района. Судя по устройству могильных склепов и по плану надгробных сооружений, все эти памятники почти однотипны. Постройки имели прямоугольную форму в плане. Двери обращены к юго-западу, могильные ямы ориентированы головой на северо-запад и выложены плитами в виде саркофага. Пол всех построек выложен, как правило, также кирпичными плитками. Все это говорит, что погребения кипчакских феодалов имели глубокие отпечатки исламской идеологии, поэтому раскопки этих гробниц не дали каких-либо вещественных находок, тем не менее, раскопки дали чрезвычайно богатый материал, характеризующий погребальные обряды и устройство архитектурных сооружений времени Дешти-Кипчак (XIII—XV вв.).

РЕЗЮМЕ

1946 жылы Қазақстан Ғылым Академиясының тарих, археология және этнография институты ескілікті мәдениет қалдықтарын зерттеу үшін Орталық Қазақстанға археология экспедициясын шығарды. Бұл Ұлы Отан соғысынан кейін бірінші рет ұйымдасқан ғылыми зерттеу экспедициясы еді.

Экспедиция Сарысу, Кенгир, Улытау өлкелерін аралап, ескі дәуірдегі көшпелі, шала көшпелі рулардың қауым тіршілігін сипаттайтын көп материалдар жыйнап қайтты. Олардың ішінде архитектура (сәулет өнерінің) үлгілері, тасқа түсірген сурет жазулар, таңбалар, көшпелі тұрмысты көрсететін оба-қорғандардан табылған заттар, отырықшы—қала тұрмысын суреттейтін шөлмек заттары, қала, қамалдарының планы, тағы

*) В. В. Вельяминов-Зернов. Исследование о касимовских царях и царевичах, ч. II, стр. 307.

**) Там же, стр. 307.

сол сыяктылар. Экспедицияның бақылауы бойынша Сарысу, Кенгир, Улыту алаптары тарихи жәдігерлердің жиі кездесетін жерінің бірі. Бұл өлкелерде ескі көшпелі дәуірден қалған көп оба, қорғандармен қатар, шала көшпелі, отырықшы тұрмыстың да сілемдері кездесіп отырады. Мұны жоғарыда көрсеткен архитектура үлгілерінен, төбе болып үйіліп жатқан ескі дәуірдегі қала — қыстаулардың, қора — үйлердің орнынан ашық көруге болады. Бұл фактылар, әрине, бұрын Сарысу, Кенгир, Шу өзендерінің бойын қоныстаған елдердің көшпелі тұрмыс пен қатар егін жұмысымен де шұғылданып, мал шаруасы мен егіншілікті қатар тұтынғанын көрсетеді.